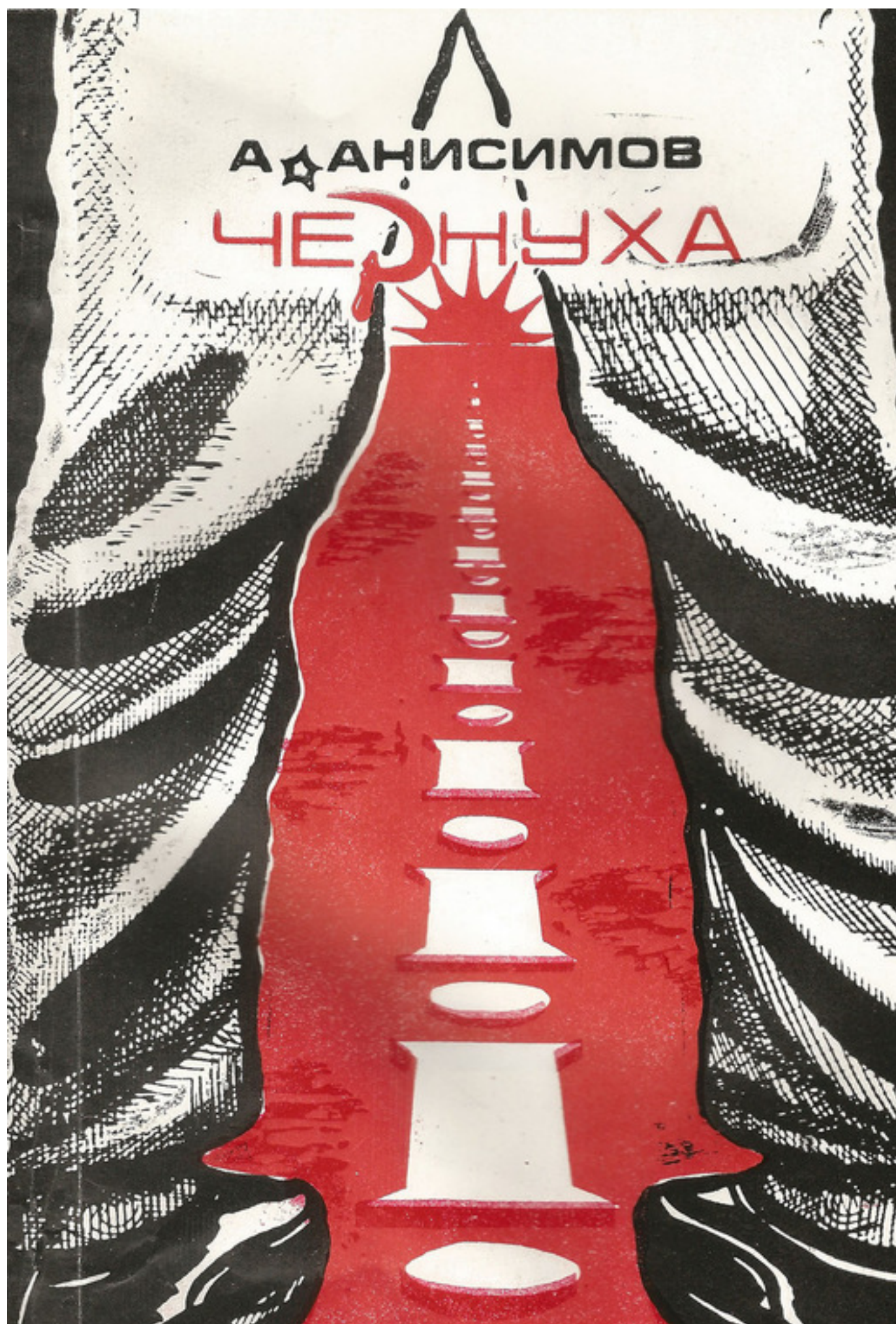

А. АНИСИМОВ
ЧЕРНУХА

Андрей Юрьевич Анисимов

Чернуха

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9742828
Чернуха / Андрей Анисимов: Авторское; Москва; 1991

Аннотация

Повесть "Чернуха" (1991) представляет собой сатирическую «антиутопию» о России 2012 г. Чернуха здесь – фамилия героя. В этой книге автор попытался спрогнозировать будущее России в качестве демократического государства.

Содержание

Глава I	4
Глава II	9
Глава III	13
Глава IV	16
Глава V	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Андрей Анисимов

Чернуха

Глава I

В Петербурге евреи взяли власть!

Моисей Наумович Иванов в сердцах отбросил газету. Свежий «Петербургский вестник» доставляли для него в Кремль в единственном экземпляре. Агентам разведки все труднее становилось работать в Петербурге. Два российских государства были на грани разрыва дипломатических отношений.

Последний спор возник опять по поводу границы. По договоренности, где немалую роль сыграло посредничество организации объединенных Штатов Европы, граница шла через город Бологое. Город, в виду «концессиума» (слово, которое Моисей Наумович так до конца и не научился произносить) был разделен. Границу провели по площади ровно посередине памятника основателю некогда единого Союза. Это был единственный уцелевший в двух Россиях монумент. Граница проходила между ног бронзового вождя и именно это послужило его спасению. Остальные многочисленные шедевры монументализма из бронзы были переплавлены на колокола.

Моисей Наумович понимал, что теперь, после того как евреи в Петербурге пришли к власти, пограничный вопрос снова начнут муссировать, Иванов прекрасно знал программный лозунг «Расширим границы до Торжка»!

Президент был сильно расстроен известием. Нужно было сосредоточиться. Но работать мешали. Двенадцатый год с начала XXI века Красная площадь, Александровский сад и все пространства вокруг Кремля были заняты митингующим народом. Моисей Наумович подошел к окну, взял бинокль. Окуляры выхватили лозунги различного характера. Народ требовал уничтожения жидовского Петербурга. Требовал отделения Москвы и закрытия ее границ для приезжих. Требовал раздачи заокеанской жвачки, полученной по каналам Милосердия и тайно распределенной между высшими постами и их семьями...

Моисей Наумович тяжело вздохнул и опустил бинокль.

Успокоить народ президенту не стоило большого труда. Для чего надо объявить по громкоговорителю, что в каком-либо из дальних районов будет произведена продажа сухарей, и площадь вмиг опустеет. Но это крайний способ. Президент никогда не обманывал народ. А это значит, что, сделав такое заявление, следовало и в самом деле выбросить в продажу сотню-другую килограммов. А запасы на исходе, приходилось экономить.

С подносом в руках появилась секретарь президента Фира Руфимовна Постникова. Чашка чая и кусок куриного филе на тарелке из Георгиевского сервиза, выглядели более, чем скромно. Моисей Наумович вынул из внутреннего кармана пиджака алюминиевую вилку и ковырнул куриное филе.

– Фирочка, детка, ты же знаешь, я терпеть не могу белого куриного мяса?!

– Товарищ президент, последнюю ножку я вам подавала вчера. Осталось только филе и того хватит не более, чем на неделю.

– Не расстраивай меня, Фирочка, и без того хватает забот. Кто в приемной?

– Делегация из Курской губернии. Совсем забыла. Вот – сахар. Положите в чай.

– Губернатор тоже здесь?

– Нет. Харитонов остался у себя. Он не может в такое тревожное время отлучиться. Вы же знаете, какой осторожный человек Самуил Яковлевич.

Президент знал. И, помешивая сахар ручкой алюминиевой вилки, он размышлял о том, что, скорее всего, делегация Харитоновна будет требовать самостоятельности и отделения от состава Московской России. Или попросит денег.

Моисей Наумович хотел было вовсе не принять делегацию из Курска, но, как бы прочтя его мысли, Фира Руфимовна добавила:

– С ними иностранец!

Президент поперхнулся, закашлялся, быстро допил чай, доел нелюбимое филе и нервно поставил георгиевскую тарелку и стакан на поднос. Тарелка была склеена в трех местах и потому не попала ни на один из международных аукционов. Затем Моисей Наумович вынул из кармана носовой платок, старательно вытер алюминиевую вилку с двух сторон и все это спрятал во внутренний карман пиджака.

– Зовите!

Постникова унесла поднос с видом человека, который делает политику.

В кабинет вошли трое. Двое – в поддевках и лаптях. Это были товарищи из Курска – Гольдин и Рапопорт. Президент знал их еще по работе в торге Харькова во времена застоя.

Третий посетитель резко отличался от товарищей в национальных костюмах тем, что был одет во что-то совершенно обыкновенное...

Президент поднялся из-за стола и быстрым радушным шагом направился к гостю в обыкновенной одежде. Пока он тряс ему руку и выражал видимую радость по поводу встречи, товарищи Гольдин и Рапопорт оглядели кабинет и быстро заметили, что люстра, висевшая на потолке в прошлое посещение президента, исчезла и была заменена лампой накаливания без арматурных излишеств.

Президент жестом указал на диван. Гости уселись так, что в центре оказался иностранец. Его звали мистер Ройс. А товарищи Гольдин и Рапопорт расположились по бокам. Президент сел в кресло рядом и попытался придвинуть его поближе к мистеру Ройсу, совсем забыв, что активисты из общества «Совесть» прикрутили всю мебель к полу во избежание случайностей...

– Это мистер Ройс, – сказал товарищ Гольдин.

– Рад, – ответил президент и улыбнулся.

– Перейдем к делу, товарищ президент, – сказал Ройс.

– О, прекрасно, мы можем говорить без переводчика, – обрадовался президент, – Вы имеете родственников в Московской России?

– Я родился в Херсоне и уехал с первой волной эмиграции, – сообщил мистер Ройс. – Моя фамилия тогда звучала, как Ройфинштейн.

– Очень хорошо, что вы сменили фамилию, мистер Ройс. Дело в том, что по законам нашей страны, мы не можем иметь дела с лицами еврейской национальности. Только Курская губерния добилась исключения. Но, как вы уже успели заметить, всех лиц еврейской национальности, состоящих на государственной службе, мы обязали ходить в русском национальном костюме...

– Да, знаю, – раздраженно перебил мистер Ройс президента. – Перейдем к делу. Я представляю Развлекательный Концерн Соединенных Штатов Европы. Головная фирма разместилась во Львове. Мы выбрали польский штат, потому что, как вы знаете, поляки – народ предприимчивый и девчонки у них первый сорт.

– Очень приятно, – еще раз улыбнулся президент.

– Мое предложение сводится к тому, что наша фирма совместно с курским губернаторством создаст развлекательный парк под названием «Курские соловьи».

– Идея прекрасная! Но где курские товарищи достанут соловьев?! Если мне не изменяет память, последние десятки экземпляров этой редкой птицы в прошлом году отловлены

и проданы на ярмарке в столице Соединенных Штатов Европы. Верно я говорю, товарищ Гольдин?

– Ах, какая у вас память, Моисей Наумович! Не зря мы вас выбрали президентом. Именно, в прошлом году, в Берлине... На ярмарке.

– Продолжайте, мистер Ройс.

Мистер Ройс, почувствовав поддержку, вскочил с дивана и, отчаянно жестикулируя и приплясывая, стал рассказывать о грандиозном проекте его фирмы:

– Вы даже не можете представить, что это будет?! Зачем нам ваши соловьи!? Японцы предоставят нам электронных. Вы только вообразите: парочка идет по лесу, опускает в дупло монетку – в ту же минуту на ветках деревьев соловьи выпускают свои трели.

– Звучит прекрасно. Но если соловьев вы выпишете из Японии, то где вы возьмете деревья? – поинтересовался президент.

– Сто гектаров сосняка осталось в национальном парке, – отпартовал Рапопорт.

– Продолжайте, господин Ройс.

– Слушайте сюда! Если мужчина приехал к нам отдохнуть без пары, и для него мы найдем развлечение. Он видит шалаш на опушке леса. Опускает в дырочку пенька определенную сумму, естественно, в твердой валюте, и из шалаша выходит к нему навстречу очаровательная девчушка в кокошнике и сарафане. Если посетитель хочет развлечения с песнями и танцами, она спляшет и споет. Если нет? Так боже мой, она просто ведет его в шалаш... И это вы думаете все!?

А что, если парк посетит одинокая леди. Она также опускает в пенек некоторую сумму, опять в твердо конвертируемой валюте, и из того или иного шалаша выходит леший и, боже мой, делает леди такое удовольствие, которое она в штатах ни Европы, ни Америки не получит ни за какие деньги...

А ресторан! Клюква – из Финляндии, брусника – из Норвегии, сыр – из Голландии, бифштексы – из Эстонии. Вот вам русская кухня!

Президент неосознанно проглотил слюну и облизнул губы:

– Идея стоящая, мистер Ройс.

– Еще как стоящая, – подтвердил Гольдин и Рапопорт. – Это только начало, товарищ президент! Это будет не просто парк из обыкновенных деревьев. В каждом дереве мы устроим лавочку, магазинчик или киоск. Там посетитель найдет все дары русского леса: мед, орехи, бананы, кокосы, шоколад, манго... В Канаде нам обещали на прокат настоящих медведей...

– Если я не ошибаюсь, мистер Ройс, в начале вы говорили о совместном предприятии с курскими товарищами. Какой вклад должна сделать наша сторона в это предприятие? – заинтересовался президент.

– Это же сущие пустяки. Во-первых, мы вырубим сосны и поставим вместо них искусственные. А настоящие пойдут в уплату вашей доли. Затем девчонки, лешие, русалки, кикиморы – все это должны поставить курские компаньоны.

– Нелегко будет рубить сосны. У нас в стране люди перестали работать. Организовали много обществ и общественных организаций. Все следят за правительством и саботируют любое дело.

– Господин президент, вы умный человек, я умный человек. Курские товарищи неглупые люди... А когда соберутся несколько умных мужчин, какая общественность сможет им помешать?!

– Мистер Ройс, вы, как я вижу, большой оптимист. Я, как президент, должен вам сказать по секрету, что неплохо знаю свой народ. Это будет нелегко.

– Слушайте сюда. Если вы скажете, что хотите создать развлекательный парк «Курские соловьи», и люди узнают об этом... На следующий день волна возмущенных граждан может

свалить не только уважаемого губернатора Курской губернии, товарища Харитонову Самуила Яковлевича, но, боже мой, страшно подумать, докатиться до Кремля.

– В ваших словах большая доля правды, – согласился президент.

– Так вот, я вам и хочу сказать, что надо сделать совершенно обратное. Я прихожу в редакцию газеты общества «Совесть», а, как известно, общество является оппозицией вашего кабинета.

– Иностранцы всегда в курсе наших событий лучше, чем мы сами...

– А что вы удивляетесь, Моисей Наумович?! Им со стороны виднее, они живут в свободном обществе... – многозначительно сообщил товарищ Гольдин, пытаясь натянуть лапоть, упавший с ноги.

– Немного послушайте и помолчите, надо же уважать собеседника, – обиженно заметил мистер Ройс.

Все притихли. А он продолжал:

– Вот я прихожу в кабинет редактора, закрываю за собой дверь и достаю из портфеля десять упаковок американской жвачки и пачку сигарет, стоящую на черном рынке больше, чем месячная зарплата товарища редактора... Если он не начнет улыбаться и любить меня больше, чем свою жену, которая много лет омрачает его светлую жизнь, вы можете повесить меня на той сосне в Курской губернии, которую еще не спилили люди из нашей фирмы... А дальше все очень просто. Я сообщаю редакции, что предлагаю курским товарищам новое хорошее дело, но правительство категорически против. Оно, видите ли, боится, что уровень жизни простых курских товарищей, благодаря нашей совместной идее, станет выше кремлевского...

Конечно, вам придется выступить по телевидению и так, между прочим, подтвердить свое плохое отношение к нашей идее.

Наступила пауза.

– Вы неглупый человек, мистер Ройс, – многозначительно заметил президент и, тяжело вздохнув, поднялся из кресла.

Члены делегации поняли, что аудиенция закончилась, и поспешно откланялись.

– Мои лучшие пожелания товарищу губернатору. Пусть держится, – сказал на прощание Иванов.

Оставшись один, он зашагал по кабинету, заложив руки в карманы. Несколько раз останавливался у окна. Шум митингующей толпы не смолкал. Но президент его не слышал. Мысли Моисея Наумовича вертелись вокруг нового грандиозного замысла:

– Дело стоящее, – еще раз повторил президент и снял телефонную трубку.

В кабинете находилось множество аппаратов новейших систем связи, но наладчики уже полгода не выходили на работу, поэтому президент мог пользоваться только допотопным телефоном образца шестидесятых годов прошлого, двадцатого столетия.

Моисей Наумович покрутил диск:

– Говорит президент. Я хотел бы иметь пятнадцать минут эфира в конце недели... Как вы на это смотрите, Исаак Семенович?!

Исаак Семенович Давыдов, председатель телевидения, от подобного предложения сорвался на фальцет:

– Вы с ума сошли, Моисей Наумович! Вся трансляция ведется не более двадцати минут в сутки. Какие пятнадцать минут?! Пять! И то с трудом, но я вам постараюсь помочь... У Сонечки есть небольшая просьба к Фаине Абрамовне...

Президент положил трубку и стал думать, как в пятиминутной встрече с телезрителями, да еще между делом, он сможет поделиться своим отрицательным отношением к идее парка «Курские соловьи»...

Иванов еще раз обошел кабинет и в десятый раз, проходя мимо дивана, на котором сидел иностранец, обнаружил маленькую бумажку. Он поднес бумажку к глазам, текст был мелок. Моисей Наумович достал из кармана очки, протер их тем же носовым платком, которым ранее вытирал алюминиевую вилку и, сев за стол, углубился в чтение.

Записка гласила: «Прочтите и немедленно сожгите. «Курские соловьи» – только отвлекающая операция. Я – друг, которого Вы ждете. Главная операция – «Десант» сможет быть выполнена под прикрытием отвлекающей. Я организую подготовку и проведение. Вы субсидируете первую часть операции. Заем можете получить только под часть алмазного фонда. По «Курским соловьям» действия продолжайте.

Друг».

Президент перечитал записку два раза. Снял очки, протер их, еще раз надел, перечитал текст. Открыв все по очереди ящики письменного стола, нашел спички. Первая сломалась, вторая зажгла клочок бумаги с уголка. Записка почернела и скрючилась. Темная струнка дыма потянулась к потолку. Президент нажал кнопку.

Постникова вошла сразу.

– Доставить ко мне Чернуху из тюрьмы.

Глава II

Политических заключенных в Московском Российском государстве было двое.

Первый – Ромуальд Львович Давидович сидел из-за гордости. И об этом знала общественность. Он не пожелал сменить фамилию, выдававшую его еврейскую национальность, на благозвучную фамилию Сохняев.

Ромуальд Львович занимал до ареста пост начальника товаропродовольственных распределителей. Организация принимала и распределяла международную продовольственную помощь. Как должностное лицо, по закону, Давидович был обязан сменить фамилию. Но благородство и гордость за прекрасный род Давидовичей, где представители ближайших трех поколений не опускались ниже заведывания горторгами, не позволяли Ромуальду Львовичу переступить черту.

Возможно, поступок этот и не повлек бы за собой столь строгое наказание. Дело приняло неприятный оборот, когда граждане Петербургского российского государства подняли сильный шум и создали общество солидарности Давидовича. На границе в районе Болого сделалось неспокойно. Петербургские экстремисты стали постреливать. Президенту пришлось стянуть туда все войска государства, да еще собрать добровольцев Из общества «Охотников и рыбаков». Давидович был взят под стражу и поселен в единственную отапливаемую камеру. Лефортова. Сидел Давидович с чувством собственного достоинства и даже не очень желал свободы, Ромуальд Львович никогда в жизни не имел такой популярности, даже, можно сказать, славы. Но он был человеком нелишенным ума и понимал – как только выйдет на свободу, о нем моментально забудут.

Соседом Давидовича по камере был немолодой московский инженер Николай Васильевич Чернуха. Дело Николая Васильевича было гораздо сложнее. Он провел в камере без суда и следствия уже полтора года и не видел для себя никаких перспектив, поскольку о его доле общественность не была проинформирована.

Чернуха являлся политическим заключенным в настоящем смысле этого слова. Ибо в нем самом была заключена государственная тайна. Более того, с этой тайной Николай Васильевич ни за что не желал расставаться.

С тех пор, как в его камере поселился Давидович, Чернуха спал плохо. Николай Васильевич был совершенно убежден, что соседа ему подсунули с целью медленной пытки. Будучи от природы молчуном, Николай Васильевич всегда сторонился очень разговорчивых людей, а Ромуальд Львович, попросту не закрывал рта. В жизни Чернухи попадались болтуны. Но они, упиваясь собственным многословием, не только не ждали от собеседника участия, но и были очень недовольны, если кто-либо пытался вставить слово. Давидович, как назло, являл тому полную противоположность. Он требовал ответа на любое замечание. Очень обижался, если не получал определенных аргументов на свои сентенции, и желал активного и заинтересованного общения...

Чернуха страдал. Но мягкий характер не позволял ему вести себя грубо. Как никак, Давидович делил с ним не санаторную палату. Да и повод для ареста соседа внушал уважение. Человек страдает за гордость, В национальном вопросе Чернуха разбирался слабо и, будучи исконно русским, не мог взять в толк, чем негодяй еврей хуже русского подлеца и наоборот...

Николай Васильевич вздохнул с облегчением, когда старик часовой потребовал его на выход. Что бы с ним не сделали, а от Давидовича он немного отдохнет...

Бензином в стране давно не пахло, поэтому охранник посадил Чернуху в закрытый возок с надписью «Вторсырье». Железная дверца возка закрылась снаружи на засов, и извоз-

чик, в форме солдата внутренних войск, с трудом тронул с места брюхатого рыжего мерина. Конвоир проводил их за ворота Лефортовской тюрьмы.

Чернуха сидел на деревянной скамейке возка, крепко вцепившись в край доски. Было почти темно. Свет тонкой линией резал рваную железную обшивку. Николаю Васильевичу казалось, что он плывет по мелкой реке с каменистым дном. Возок, как лодка цеплялся за рваные края асфальта, кое-где еще сохранившегося на Яузской набережной. Мерин тянул медленно, поэтому тряской физическое действие, происходившее с заключенным, назвать было трудно. Зачем и куда его везли, Чернуха не знал. Смертной казни Николай Васильевич не боялся, и не потому, что официально ее отменили... Инженер не был столь наивен, чтобы усомниться, что у власть держащих нашелся бы способ избавиться от него окончательно. Но тогда и его тайна уйдет вместе с ним навсегда. А этого они не допустят...

Мерин свернул на улицу Сергея Радонежского (бывшую Авиамоторную). Ямы стали более мелкими и частыми. Возок подрагивал и скрипел. Через некоторое время Чернуха услышал властное «ТПРУ-У-У!» Он не видел причины остановки и удивился, что так быстро доехали. Вокруг шумели. Николай Васильевич прикинул глазом к щелке в обшивке, пытаясь разглядеть, где он. Но ничего, кроме голов, не увидел. Инженер не получал газет и не знал, что в этом месте города уже три недели, торчит неопознанный летающий объект. Машина, видимо, испортилась и не могла взлететь. Рядом торчал и пилот, трехметровый болван с маленькой головкой и сросшимися глазными щелками. Возле аппарата и пилота всегда галдели зеваки. Правительство приставило к аппарату сторожа с берданкой, и народ знал, что бердан заряжен. Кроме того, не было известно, что предпримет трехметровый болван, если попытаться заглянуть в машину или оторвать кусочек обшивки.

Постепенно к пришельцу привыкли. Но транспорт всегда имел тут задержки. И не потому, что аппарат был очень велик... Мешали зеваки.

Наконец, возок протиснулся сквозь толпу. Голоса стали стихать. Чернуха, так и не понявший причины задержки, конечно, и не подозревал, что трехметровый пришелец долго и пристально провожал возок взглядом острых суженных зрачков...

Ехали долго, но больше не останавливались. Движения в городе почти не наблюдалось. Лошадей осталось мало. Их в Москве и раньше было немного. Тех, что завезли после бензинового кризиса, частично съели. Добротных крепких коней могли позволить себе держать только фирмы, связанные с западными партнерами. Ипподромных рысаков реквизирувало правительство для встреч именитых иностранных гостей, и те находились в конюшне Кремля. Автомобилями пользовались только иностранные дипломаты и представители богатых европейских, американских и японских фирм.

Возок, подергиваясь и покачиваясь, перевалил через Язу. Мост был горбатым и менее битым, чем остальная дорога. Иногда мимо проносились автомобили, и Чернуха понял, что они теперь двигались по большой улице. Будущее инженеру сулило мало хорошего, и в мыслях он чаще уносился в прошлое.

Вспоминал, как после института попал в Афганистан. Командовал ротой минеров. В этой военной науке он настолько преуспел, что не только угадывал на расстоянии, но и шутя обезвреживал китайские, английские, американские и прочие потайные взрывные машины. Потом пришлось продолжить свою деятельность в горах Союза, где народы и народности объявили войну друг другу и минировали необозначенные границы самыми разнообразными штуковинами.

Ему везло, пока он не наткнулся на самодельное устройство, созданное интеллектом такого малодоступного уровня, перед которым знания молодого инженера были почти бессильны...

Руку Чернухе пришили удачно. Но полностью двигательные функции не восстановились. И, если мышцы руки приходилось напрягать, они потом долго болели...

За стенками возка становилось более шумно. Каким-то десятым чувством Чернуха ощутил, что они пересекали вокзальную площадь. За те полтора года, которые инженер пробыл в заключении, в Москве произошло много перемен. Чернуха не знал, например, что поезда из Москвы уходили теперь с одного Ярославского вокзала и то раз в неделю. На путях других вокзалов на много километров протянулись вагонные соединения, в которых жили люди. Получить купе под жилье удавалось только счастливым. Для этого требовалось решение Верховного Совета Московского Государства. Даже места в общих вагонах доставались не каждому. Выгод в таком жилье было много. Во-первых, сами жильцы могли добыть топливо и согреться. А в городских домах труб и печей, как известно, не было. Теплоцентраль не работала уже несколько лет.

Кроме того, жилье на колесах можно было в случае необходимости передвинуть, а в беспокойном 2012 году это имело особое значение...

Садовое Кольцо, сплошь перерытое канавами и загороженное баррикадами, удалось пересечь только возле Чернышевского. Затем переулками брюхатый рыжий мерин (назвать его гнедым не поворачивался язык) притащил возок на улицу Святого Георгия (бывшую Кировскую).

Народу ближе к центру становилось все больше. Стали попадаться первые митингующие. Они тут же и жили в палатках или самодельных дощатых домах, построенных из заборных досок. В том здании, что раньше служил чайным магазином, теперь был открыт китайский ресторан под издевательским названием «Золотой Застой». Кормили там на твердую валюту. По этой причине возле парадного стояло всегда много манифестантов с плакатами, оскорбляющими достоинство владельцев ресторана.

Вообще, плакатов попадалось все больше, и Чернухе в каком-то смысле повезло, что он не мог прочесть их содержание. Иначе, инженер был бы сильно смущен пренебрежением к цензурным требованиям... Пройдя Афган и множество других крутых жизненных поворотов, Николай Васильевич до сих пор не выносил матерщины.

На площади «Надежды», на месте памятника Дзержинскому, некогда давшему ей старое название, был установлен гигантский телевизионный экран.

Чернуха в маленькую щелку в стенке возка не мог видеть прекрасного цветного изображения японского аппарата, но хорошо слышал громкий, поставленный голос, со слабо выраженным англосакским акцентом и немного просительной интонацией. Николай Васильевич, давно не имевший возможности пользоваться радио или телеприемником, ловил каждое слово.

Толпы народа, заполнившие площадь, реагировали на речь президента Соединенных Штатов Европы с непосредственностью зрителей цирковой программы.

– Граждане Московской России, товарищи! – взывал президент. – Мы глубоко сочувствуем демократическим формам правления в вашей стране и всеми возможными силами стараемся прийти к вам на помощь. Но возможности Соединенных Штатов Европы тоже имеют пределы. Наши народы не могут все время кормить целое государство. Попробуйте сами решить хотя бы часть ваших проблем. Политическая активность граждан – замечательное завоевание вашей демократии. Но, поверьте, ее можно проявлять и после работы на производстве.

Гомерический хохот многотысячной толпы не дал Николаю Васильевичу дослушать речь.

Извозчик, орудуя кнутом, сумел спустить возок к Охотному ряду. Он и Манежная площадь не были переименованы. Однако, здание манежа перестало служить музам. Вместо выставочного зала здесь теперь проходил постоянный международный аукцион, на котором продавалось все, что еще могло иметь хоть какую-нибудь ценность. Заведывал аукционом брат президента Иванов Семен Наумович. В печати его имя встречалось рядом с такими

эпитетами, как «бог торговли», «человек, который может продать даже то, чего нет» или шутливо «рыжий на манеже»...

Военизированный извозчик свистнул плетью по распухшим бокам мерина и тот, свернув к Боровицким воротам, остановился. Часовой проверил документы. Возок с надписью «Вторсырье» въехал на территорию Кремля.

Глава III

В одном из кабинетов Смольного, на дверях которого не было никаких табличек, в кожаном кресле сидела очаровательная молодая женщина Маша Невзорова. Говорили, что она дочь известного телекомментатора девяностых годов прошлого столетия. Но достоверным фактом считать это было нельзя, поскольку сама Маша от прямого ответа уходила. Большие серые глаза девушки внимательно следили за собеседником. Маша боялась пропустить хотя бы слово из того, что си говорилось. И неудивительно, Невзорова получала последние инструкции у самого Еврея внутренних дел нового правительства Петербургской России.

Антон Гаврилович Хохряков принял пост Еврея внутренних дел совсем недавно. Да и все еврейское правительство существовало менее суток со дня формирования. Но, по деловитому спокойствию, царившему в кабинетах и коридорах, можно было сделать вывод, что эта власть пришла всерьез и надолго. Сам Антон Гаврилович, на которого Новая Еврейская партия, взвалила министерство внутренних дел, раньше ни в разведке, ни в контрразведке не служил. Известность пришла к Хохрякову после публикации в начале девяностых годов его научной работы «Шизофрения и социализм». В этой работе молодой ученый выступил как психиатр и социолог. В партию Антон Гаврилович вступил в момент ее основания и, можно смело сказать, был одним из ее теоретиков. Единомышленники верили, что создание Новой Еврейской партии положит конец всем национальным раздорам в России.

Путаница, возникшая в стране от употребления слова «еврей» как национальной принадлежности человека, и употребление этого понятия в смысле партийной принадлежности сделали проблемы сионизма и антисемитизма настолько комичными, что они сами по себе стали изживаться...

– Милая Маша, – в голосе Антона Гавриловича проскальзывала еле заметная отеческая фамильярность. – Вы должны твердо усвоить, что Московская Россия – это совершенно отдельное государство. Как разведчица, вы обязаны не забывать этого ни на минуту. Теперь повторите задание.

– Я должна (Маша подняла свои прелестные серые глаза на потолок) после прибытия в Москву постараться добиться свидания с политическим заключенным Давидовичем. Поддержать его морально. Сообщить, что несмотря на то, что он еврей по национальности, наша Новая Еврейская партия относится к нему с уважением. Петербургская Россия может предоставить ему политическое убежище и работу по специальности. Между прочим, надо дать понять Давидовичу, что его третья жена и внучка имеют в Петербурге хорошую репутацию...

– Умница! Теперь о маршруте... – Антон Гаврилович открыл голубую папку. – Попасть в Московскую Россию можно только через нейтральную Америку. Соединенные Штаты Европы плотно закрыли всю свою общую границу с Московской Россией. Вот ваши билеты и путевой лист. Надеюсь, не нужно объяснять, что все бумажки должны быть уничтожены перед тем, как вы прибудете на место.

Автостанция находилась возле «Европейской», от которой осталась только внешняя каменная оболочка. Внутри – эскалаторы вместо лестниц, номера, имеющие видеосвязь с любой точкой земного шара, ресторан с автоматическими столами и креслами, в которых клиента двигает электроника от блюда к блюду. Возле этой старой и сверхновой гостиницы Петербурга Маша села в мягкое кресло автобуса. «Мерседес» на воздушной подушке оторвался от битого асфальта и поплыл по пустынному Петербургу.

Правящая партия первым делом взялась за дисциплину в стране. Поэтому праздных прохожих и демонстраций в городе не наблюдалось. Исключения составляли иностранцы, одетые по новой моде в грубые мешки и римские сандалии.

Автобус набрал скорость, и через минуту за окном уже стало не под силу разглядеть отдельные предметы. Менее чем через час Маша вместе с небольшой делегацией из Шведского штата и несколькими чиновниками Новой Еврейской партии оказалась в Хельсинском аэропорту.

Сразу бросалось в глаза, что все авиапассажирские службы были механизированы японскими компаниями. Выполненные совершенно натурально девушки-роботы в кимоно в секунду решали все возникшие вопросы. Сумка ваша просвечивалась на расстоянии, поэтому не было никаких унизительных процедур досмотра. Да и сам угон самолета террористами был исключен. Вели самолет так же японские роботы-пилоты. Напугать их ни один террорист не сумел бы.

Когда «Боинг» прошел звуковой барьер, у Маши возникло легкое головокружение. Обычно люди Машиного возраста эту нагрузку вообще не замечают. Но Маша три последних дня перед отлетом практически только пила чай. На довольствие ее поставили только после того, как она приступила к выполнению задания. Плотнo Маше удалось пообедать вместе с Антоном Гавриловичем в буфете Министерства внутренних дел.

Чувствительное кресло «Боинга» тут же выдало неслышимый сигнал о Машином недомогании. В кабине медицинское вычислительное устройство моментально поставило диагноз.

Через три секунды к Маше спешила улыбающаяся робот-стюардесса с чашкой бульона и слоеным пирожком на подносе. Маша покраснела и долго доказывала стюардессе, что не голодна. Но стюардесса, не меняя улыбки, стояла до тех пор, пока Маша не освободила поднос. Подкрепившись бульоном, Маша сразу почувствовала себя гораздо увереннее и бодрее. Стюардесса-автомат унесла пустую посуду. Девушка три раза вслед повторила ей слова благодарности, чем затруднила работу автомата, Вежливая машина на слова благодарности должна была оборачиваться и раскланиваться...

Маша откинулась на спинку кресла и первый раз за время путешествия улыбнулась. Перед ней, загораживая спинку сидения переднего пассажира, крепился стенд. На нем с умопомрачительным дизайном располагались кнопки и экраны. Маша могла сразу смотреть десяток телевизионных программ и слушать музыку со всех частей света. Но девушка не умела пользоваться всей этой чудовищной мишурой двадцать первого века, поэтому заставляла себя сосредоточиться и еще раз пройти в мыслях всю предстоящую работу.

Естественно, вербовка Давидовича, это только часть задачи. Антон Гаврилович дал понять, что у него есть сведения о каких-то тайных и непонятных пока действиях Московского правительства. Шумиха, возникшая в Москве по поводу развлекательного парка в Курской губернии, Еврею внутренних дел показалось чем-то подозрительной. Хохряков был уверен, что проект на деле – двойное дно. Но доказательств не имелось. Хохряков не верил, что Давидович сидит за отказ сменить фамилию. Арест на почве национальной гордости не казался Антону Гавриловичу убедительным... Не связана ли причина ареста с новым проектом...

Все это и предстояло выяснить Маше Невзоровой. Это было ее первое задание.

Маша не заметила, как задремала. Сон у нее был легкий и спокойный. Бесшумная машина легко несла девушку через океан, и, глядя на безмятежно спящую Машу, даже агент ЦРУ, кстати тоже робот, созданный в японском специальном институте, не мог сразу вычислить в ней разведчицу нового Петербургского правительства.

Сон Маши прервала все та же стюардесса, что приносила бульон. На чистейшем русском языке (роботы на авиалиниях имели автоперевод на все языки мира) она извинилась и сообщила, что по причине митинга в аэропорту Нью-Йорка, посадка перенесена в Рио-де-Жанейро. Стюардесса включила для Маши нужный канал телеэкрана и подала наушник с русским переводом.

Дикторша, одетая в модную мешковину, с волнением в голосе сообщала, что в городе и окрестностях эмигранты из России третьей, четвертой, пятой, шестой и седьмой волны вышли на улицы с требованием социалистических преобразований. Крупным планом на экране возникли транспаранты: «Требуем твердого оклада», «Бесплатный специальный паек сегодня», «Позор капиталистам, признающим только работу», «Мы не лошади», «Больше социализма в капитализме»...

Маша не сразу поняла, что происходит. Но она заставила себя включить сознание. Нарушается план операции. Как она улетит в Москву из Рио-де-Жанейро? Робот-агент, исполняющий и роль главного стюарда, тут же пришел на помощь:

– Леди напрасно беспокоится. Ровно через час после посадки она сможет пересечь на рейс Рио-де-Жанейро – Черновцы. От Черновцов до Москвы леди придется добираться вертолетом. Поскольку полоса Московского аэропорта уже не может принимать сверхзвуковые лайнеры.

– Откуда вы знаете, что я лечу в Москву? – вспыхнула Маша.

– Я даже знаю зачем вы туда летите. Но дела двух российских государств не представляют опасности для моего правительства.

Чтобы скрыть смущение, Маша отвернулась к иллюминатору.

Но, все знающий и легко читающий на расстоянии мысли людей, робот-автомат не мог себе представить, как тяжело он ошибся. Произошло это потому, что и сама Маша Невзорова, находясь на борту «Боинга», не могла себе представить, как будут развиваться дальнейшие события, связанные с ее заданием.

Глава IV

Когда дверца возка с надписью «Вторсырьё» на борту открылась и Чернуха оказался на улице, то, ослепленный дневным светом, инженер не сразу понял, где он находится. Но, только глаза немного пообвыкли, Чернуха узнал до боли знакомые очертания кремлевских зданий. Здесь он проработал последние десять лет перед заключением. Отсюда и был отвезен в Лефортовскую тюрьму. Дорога тогда заняла гораздо меньше времени, потому что на арестованных бензина еще хватало...

– Давай, давай, нечего головой вертеть, двигай, – подпихнул Чернуху кучер-конвоир. – Двигай за ним...

Николай Васильевич только теперь увидел перед собой невзрачного субъекта в шинели, но без погон. Под шинелью проглядывало штатское. Субъект направился вперед, Чернуха за ним, извозчик сзади. Что-то не понравилось Чернухе, какая-то перемена...

Чернуха оглянулся и понял – возок, запряженный рыжим меринком, стоял там, где раньше находилась Царь-пушка. «Добрались», – подумал Чернуха и кулаки его сжались сами собой.

Президент Иванов решил провести встречу с заключенным не в своем кабинете. Для этого он выбрал кабинет администратора Дворца съездов. Никаких мероприятий здесь в ближайшее время не намечалось. Моисей Наумович верно рассчитал, что тут свидание пройдет наиболее незаметно...

Когда ввели Чернуху, Моисей Наумович поднялся навстречу. Первым протянул руку.

– Садитесь, пожалуйста, Николай Васильевич.

Чернуха молча уселся на стул в углу кабинета.

– Не сюда, не сюда, – приветливо пригласил президент, – Садитесь за стол.

Чернуха не пошевелился. Тогда Моисей Наумович подвинул к нему маленький столик и сам сел рядом. Постникова принесла на подносе бутылку пепси и два ванильных сухаря.

– Фирочка, – обратился президент к секретарше. – Товарищ Чернуха, наверное, по настоящему голоден... Дай, детка, ему мою завтрашнюю порцию.

Постникова шмыгнула носом, но через минуту вернулась, неся на склеенной георгиевской тарелке небольшой кусочек куриного филе. Чернуха поглядел на еду, проглотил слюну. Моисей Наумович полез, было, в карман за алюминиевой вилкой, но Чернуха быстрым движением здоровой руки схватил филе и молниеносно отправил его в рот. Затем глотнул из бутылки пепси. Поморщился и поставил недопитую бутылку на поднос...

– Николай Васильевич, – мягко начал президент, решив, что светское вступление можно считать законченным. – Вы знаете, в каком положении государство. Русские люди голодают... Вы считаете меня извергом. Но рассудите сами, разве можно считать извергом президента, если в его тюрьме сидят только два политических заключенных. Смешно сказать! Но войдите в мое положение, если я вас отпущу, какая ответственность ляжет на мои плечи?! Вы же живой человек! Нет, у меня и в мыслях нет, что вы удерете. Но, как всякий живой человек, вы можете просто умереть. А, если о вас узнают в Петербурге, вас похитят или уничтожат... Вы понимаете мою мысль? Я с вами предельно откровенен. Разве не ясно?!

– Спасибо за угощение, товарищ президент, – мрачно глядя в пол, ответил Чернуха. – Но мне неприятно с вами разговаривать. По дороге сюда я заметил отсутствие Царь-пушки. Вы распродаете святые реликвии народа.

– Помилуйте, Николай Васильевич, пушка просто передвинута к Боровицким воротам. Она охраняет Кремль от террористов... Как вам такое в голову пришло! Вас сию минуту проводят к ней.

– Хорошо. Но все равно Алмазного фонда я вам не дам. – Чернуха поглядел прямо в глаза президента.

Моисей Наумович глаз не отвел.

– Вы думаете, мне нужны эти алмазы?! Мне ничего не нужно. Я знаю, о чем вы думаете... Вы думаете, этот еврей сделался Ивановым и теперь желает распродать всю Россию на корню. Но вы же знаете, почему меня выбрали. Разве раньше в Кремле сидели евреи? Так почему же, когда я пришел сюда, уже нечего было продавать? Почему, я вас спрашиваю?!

– Алмазов я вам не дам, – повторил Чернуха.

– Я не хочу продавать алмазы, я хочу взять под них заем и накормить народ. Я не могу уже видеть толпы голодных людей возле Кремля.

– Какого черта народ толпится на улицах с плакатами, вместо того, чтобы работать?!

– Что я вам могу на это возразить? Я не могу заставить их работать. Люди разучились работать и больше их не заставишь,

– И вы хотите продать сокровища России, чтобы накормить этих бездельников?!

– Николай Васильевич, вы же сами знаете, как я и наша группа экономистов пришла к власти. Сначала была перестройка, потом перестройка не получилась, и евреев стали бить, считая, что они и есть причина всех бед. Но в этом нет ничего нового, так было всегда. Потом решили, что без евреев не обойтись, надо дать им работать... Но сменить фамилии на русские, чтобы не обижать национальное достоинство русских... И теперь народ хочет, чтобы я накормил его...

– Я вам повторю еще сто раз, я не дам Алмазного фонда!

– Мне остается пригласить японских специалистов, они своими электронными приборами разминируют фонд. Но тогда им придется платить алмазами. – Президент достал коробочку с валидолом и бросил шарик за щеку.

– Ваши японцы со всей их электроникой взлетят на воздух. И жертвы будут на вашей совести. Я предупредил.

– Вы честный человек, Николай Васильевич, Но кроме честности надо иметь еще и разум, и сердце. Кому понадобятся наши алмазы, если страна вымрет от голода?..

– Россия жила тысячи лет и еще столько же проживет. Я не желаю, чтоб на мою могилу приходили плевать. Мне было поручено разработать охрану Алмазного фонда и я ее разработал!..

– Вам никто не поручал так заминировать коллекцию, что к ней и подойти страшно!

– Да, это я сделал по своему усмотрению, когда понял к чему все катится...

– Мне ничего не остается, как отправить вас обратно в Лефортово. Посидите и подумайте. Если вы сумеете найти другой выход, я буду вам тоже благодарен. А пока отправляйтесь назад.

Чернуху увел военизированный извозчик. Субъект в шинели без погон задержался в кабине.

– Покажите ему по дороге Царь-пушку... Да, и посадите на недельку на воду. Так будет легче думать... Вы свободны.

Отпустив субъекта, президент достал из кармана второй шарик валидола, бросил в рот, затем налил оставшееся в бутылке пепси в стакан и выпил маленькими глотками...

Глава V

Редакция газеты «Совесть народа» располагалась в помещении бывших Центральных бань. Кабинет главного редактора занял первый номер. Старые москвичи, наверное, и сейчас еще помнят какой это был великолепный номер.

Огромный холл с зеркалами, весы, где упитанный клиент мог тут же порадоваться уменьшению своей тушки после парной. Дальше – мраморный бассейн с полкой. На этой полке получали массажные процедуры и артистические знаменитости, и крупные торговые воротилы, и, что греха таить, московские воры, дольше всех остальных горожан сохранившие вкус к российским удовольствиям. Теперь бани давно уже закрылись. Нечем топить, нечем мыть. Трубы полопались, некому чинить. Но не пропадать же дому в самом центре?!

Общество «Совесть» распространило свои службы по всем пригодным помещениям. Первый этаж был отдан руководству. Два номера отвели под редакцию. В третьем принимал учредитель Корзухин.

Главный редактор газеты устроился там, где раньше была парильня. Здесь удобно проводить летучки и совещания. Стол стоял внизу, а на скамейках, расположенных амфитеатром, все были видны, как на ладони. В морозные дни несколько старых веников, брошенных в топку, создавали тепло и уют.

Редактора звали Дыбенко. Обращаться по имени в обществе запрещалось.

Дыбенко принимал посетителей по утрам. Первым сегодня был мистер Ройс. При входе Ройс показал заграничный паспорт. Его впустили. Сторож Ахмедов, с круглым лицом и маленькими заплывшими глазками, проводил иностранца до дверей первого кабинета. Постучал три раза и моментально исчез. Дверь резко отворилась, крепкие руки сгребли мистера Ройса в охапку и втащили в бывший зеркальный холл-раздевалку. На кожаном дивану сидел верзила в тулупе с обыкновенным топором в руках. В деревнях такой вид топоров зовут колунами. Ройса поставили возле верзилы...

– Раздевайся, – сказал верзила, выгребая тем временем из портфеля желтой кожи все содержимое иностранца.

– Что вы мне сказали? – несколько растерянно переспросил Ройс.

– Раздевайся. Я должен тебя обыскать, – сквозь зубы повторил верзила и зачем-то переложил колун с места на место.

Мистер Ройс, без костюма, производил совсем не иностранное впечатление. Верзила, роясь в карманах пиджака, вскользь глянул на то место иностранца, по которому в родильных домах отмечают пол новорожденного.

– Жид... – беззлобно констатировал верзила, возвращая Ройсу его костюм.

– Я подданный Соединенных Штатов Европы, – уже без прежнего апломба сообщил Ройс, поворачивая голову назад, чтобы разглядеть второго, продолжавшего стоять за спиной,

– Не вертись, – сказал верзила, раскладывая на столе кучками содержимое карманов и портфеля. – Подданный, не подданный, а жид. Вещи получишь после приема. Иди, шеф ждет.

Невидимый второй крепко взял мистера Ройса за плечи и, проведя мимо остатков мраморного бассейна, впихнул в парную-приемную.

Дыбенко читал верстку. После паузы он снял очки и посмотрел поверх головы Ройса на невидимого иностранцу второго служащего.

– Это Ройс. Коммерсант. Соединенные Штаты Европы. Жид. Две упаковки жвачки. Блок сигарет «Кэмэл». Чековая книжка на 1 000 000 долларов. Ключи от автомобиля «полонез». Использованный пропуск в Кремль.

Все это сообщил голос неизвестного Ройсу служащего редакции. Поскольку голос звучал выше головы иностранца, единственно, что он мог понять, что служащий, толкнувший его в кабинет, а теперь в приемную, был высок ростом...

– Садитесь, мистер Ройс, – пригласил Дыбенко. – Извините, но формальности хоть неприятны, но необходимы. Время смутное...

Ройс оглянулся, но за его спиной уже никого не было.

– Что вы хотели нам сообщить? – продолжал Дыбенко, снова уткнувшись в верстку.

– Я в безвыходном положении и остро нуждаюсь в помощи, – понемногу приходя в себя, заговорил иностранец. – Я был в Кремле...

– Знаю, – бросил Дыбенко, продолжая изучать текст.

– Таможне отказали. Но я с моими товарищами из Курска разработал грандиозный проект. Я был уверен, что президент одобрит. Но он уперся. Я не понимаю, почему Иванов против проекта.

– В чем суть вашей затеи? – Дыбенко отложил верстку и, не мигая, уставился в глаза мистера Ройса.

Ройс начал рассказывать, и к нему сразу вернулась прежняя развязность и легкость. Мистер Ройс не жалел красок. Дыбенко слушал молча.

– Вы мне эти басни про леших на уши не вешайте. Вам нужен лес. Так и говорите. Я вам помогу. Какова моя доля?

– О чем вы?! – сделал удивленное лицо мистер Ройс.

– Вы прекрасно понимаете о чем я. Мой процент?

– Я так сразу не могу. Много заинтересованных сторон. Ох, боже мой, разве можно такие вещи решать за одну минуту...

– Когда решите, тогда и придете, – отчеканил Дыбенко и нажал кнопку.

Дверь в парную открылась. Мистеру Ройсу ничего не оставалось, как откланяться. В зеркальном холле верзила с колуном указал Ройсу на стол.

– Заберите свои вещи.

Мистер Ройс быстро запихнул все свое имущество в портфель. Жвачка и сигареты исчезли.

– Все? – сказал верзила.

Он посмотрел на Ройса и опять переложил колун с хмesta на место.

– Все, все, – быстро подтвердил коммерсант, почувствовав на своих плечах две тяжелые пятерни.

Иностранца провели по коридору и выдворили на улицу. Сторож Ахмедов запер за ним дверь. Вид у мистера Ройса был довольно смешной. Иначе чем было объяснить, что, глядя на него, хорошенькая девушка звонко прыснула. Мистер Ройс оглядел себя с ног до головы и только теперь заметил, что пуговицу пиджака пристегнул к петле от брюк.

– Извините... Я понимаю, что так смеяться неприлично. Но ничего не могу с собой поделать. Очень смешно! – Не могла успокоиться незнакомка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.